

ЦЕЛОСТНОСТЬ И ЗАЩИЩЕННОСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются несколько групп критериев психологической безопасности, подробно анализируются — «целостность» и «защищенность» личности как ключевые критерии безопасности. Особое внимание уделяется индикаторам нарушения целостности и защищенности — диссоциации и психологическим сопротивлениям.

Ключевые слова: психологическая безопасность, критерии, целостность, защищенность, деноминализация, нарушение целостности, опыт травмы, диссоциация, конгруэнтность, психологические границы, сопротивления, слияние.

E. I. Sereda

INTEGRITY AND PROTECTABILITY AS BASIC CRITERIA OF PSYCHOLOGICAL SECURITY OF A PERSON

The article deals with several groups of criteria of psychological security and gives a detailed analysis of integrity and protectability of a personality as key criteria of its security. Special attention is paid to indicators of violated integrity and protectability: dissociation and psychological resistances.

Key words: psychological security, criteria, integrity, protectability, denominalization, violation of integrity, history of trauma, dissociation, congruence, psychological borders, resistances, fusion.

В течение последних десяти лет проблема психологической безопасности становится все более актуальной не только в связи с участвовавшими террористическими актами как в России, так и в других странах мира, но и в связи с социальными потрясениями в ходе так называемых «цветных» революций, осуществленных в различных государствах — Украине, Киргизии, Грузии, Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, в результате которых ощущение безопасности у большей части их населения оказалось значительно нарушенным. Эти события последних лет и даже месяцев стимулируют исследование тех аспектов личностной и социальной безопасности, которые в настоящее время остаются все еще недостаточно изученными. К таковым, по мнению ряда исследователей, относятся критерии, или признаки психологической безопасности, на основании которых производится оценка ее уровня и/или осуществляется ее классификация. В данной статье мы остановимся на рассмотрении признаков личностной безопасности.

Т. М. Краснянская, опираясь на социально-философские воззрения, пишет о том, что «не существует объективных критериев оценки безопасности социального субъекта, независимых от его интересов, возможна лишь объективность, соответ-

ствующая научной истине» [8, с. 97]. Одни авторы в качестве критериев безопасности личности выделяют: удовлетворенность состоянием безопасности и удовлетворенность потребности в безопасности, адекватность отражения мира, устойчивость к информационным воздействиям», состояние социально-психологической безопасности, восприятие собственной психологической защищенности в социуме и возникновение доверия к другому [6, с. 166]. Другие авторы выделяют физические, природно-психические и собственно личностные критерии безопасности [4]. К первым относят целостность и стабильность физической структуры человека, ко вторым — такие характеристики, как: защищенность психики (Г. В. Грачев), адекватность отражения и отношения к миру (С. К. Рошин), адаптивность функционирования (Т. С. Кабаченко), защищенность сознания от изменения его состояния против воли человека (Т. И. Колесникова); к третьим — удовлетворенность настоящим, уверенность в будущем (С. К. Рошин), высокую вероятность достижения жизненных целей (А. В. Непомнящая), защищенность ценностей, с которыми субъект отождествляет свою жизнь, переживание комфортности (Т. М. Краснянская) и потенциал развития личности.

Т. М. Краснянская [8, с. 163] на основе анализа определений безопасности, предлагаемых разными авторами (С. Ю. Решетина, Г. Л. Смолян; С. К. Рошин, Г. В. Грачев, Т. С. Кабаченко, Т. И. Колесникова, А. Г. Маслоу, А. Ребер, А. Н. Сухов, В. А. Медведев, Г. П. Серов), выделяет четыре группы её признаков:

1. *состояние стабильности общественного сознания* и информационной среды, обеспечивающее нормальное развитие человека и описываемое в терминах порядок, надежность, закон, структура, защита и т. п.;
2. *состояние свободы* от (или отсутствия) страха или тревоги;
3. *состояние защищенности* (личности, психики, сознания, интересов), выражающееся в доверии, удовлетворенности и уверенности в будущем;
4. *состояние целостности* и адекватности, проявляющееся в возможности развития.

Первый признак, на наш взгляд, в большей степени относится к социальному уровню безопасности и его можно рассматривать скорее как условие личностной безопасности, а не ее признак. Если же говорить о личностной безопасности, то её признаком может быть психологическая стабильность, или устойчивость функционирования человека в разных ситуациях. Таким образом, анализ публикаций по проблемам психологической безопасности позволяет выделить несколько ее критериев: а) целостность, б) защищённость, в) чувство внутренней свободы, или отсутствие тревоги, г) стабильность, д) комфортность (комфорт), е) доверие (себе и другим), ж) уверенность в будущем, з) психологическое благополучие (интегральная характеристика).

По мнению большинства исследователей, ключевыми критериями психологической безопасности, являются *состояния целостности и защищенности*. Применительно к личной безопасности речь идет о физической, психологической и духовно-нравственной целостности и защищенности. Интересно, что эти два наиболее часто упоминаемых исследователями критерия безопасности, тем не менее, практически никем не расшифровываются и не определяются.

Более того, данные выражения с точки зрения нейро-лингвистического программирования относятся к так называемым номинализациям. Номинализации — это искажения мышления, которые возникают, когда человек создает свою модель

реальности, или субъективную картину мира (образ мира), которая является одним из внутренних факторов безопасности. Эти искажения указывают на то, какие виды опыта он «систематически оставляет вне своей репрезентации мира». Номинализация — это превращение процесса в событие, «изменение глагола, активного во времени, в существительное, статическое или неизменяемое во времени». Когда человек систематически пользуется номинализациями, «это может служить хорошим показателем того, что он воспринимает себя как имеющего ограниченный выбор, а также мало или совсем не имеющего контроля над своей жизнью» [10, с. 101].

Поскольку термин *целостность* довольно часто используется при описании феномена безопасности, то одним из результатов номинализации становится восприятие в частности личной безопасности как чего-то, что не поддается контролю человека. Изменяя существительное обратно в глагол, мы тем самым восстанавливаем активную роль личности в создании и поддержании собственной безопасности в пределах возможностей ее влияния [там же, с. 102]. Более того, такое лингвистическое переопределение критерия помогает нам воспринимать весь спектр имеющихся в данном случае выборов, а также тот контроль, который может осуществлять отдельная личность или группа людей над процессом переживания и обеспечения собственной безопасности. В этом смысле более конструктивным и перспективным в контексте исследуемой проблемы нам представляется употребление словосочетания «быть целым, или быть единым» («способность и умение оставаться целым») вместо термина целостность.

Что такое целостность с психологической точки зрения? Занявшись поисками определения этого понятия у различных авторов, мы обнаружили, что чаще всего встречаются определения целостности восприятия и целостности мировоззрения. В словаре русского языка С. И. Ожегова приводится следующее значение слова целостный: «цельный, проникнутый единством», а для слова «целый» — несколько значений: а) «весь без изъятия, полный»; б) «невредимый, без изъяна, без ущерба»; в) «нечто единое, нераздельное» [12, с. 758]. В энциклопедическом словаре целостность определяется как «внутреннее единство объекта, его относительная автономность, независимость от окружающей среды» [19, с. 1462]. В философском плане целое выступает как объективная связь, которая объединяет какую-либо совокупность частей и приводит к появлению новых свойств и закономерностей [19, с. 1476]. Таким образом, целостность — это обладание внутренним единством, а если произвести деноминализацию, то *быть целостным* — это означает обладать внутренним единством (*мыслей и переживаний, эмоций и поступков, слов и действий и т. д.*).

Понимание целостности как характеристики личности отражено в работах К. Г. Юнга и представителей гештальт-подхода в психотерапии — Ф. Перлза, И. Польстера и М. Польстер и др. К. Г. Юнг пишет, что «целостность заключается в союзе сознательной и бессознательной части личности», а потенциальностью целостности он называет самость [20, с. 114]. Самость выступает как единство противоположностей цельного человека и «отражает полную взаимосвязь между внешним и внутренним» [1, с. 272]. «Целостный подход в гештальт-терапии связывает в «Я» и физическое, и психическое, а также стремится взглянуть на любой процесс (независимо от того, физический он или психический) как на часть большего целого» [3, с. 371]. В рамках данного направления под целостной личностью понимается такая личность, у которой все ее процессы (симптомы, конфликты или жизненные переживания и события)

являются частями целого, выражающими себя одновременно соматически, физиологически и психологически.

Если рассматривать целостность как критерий, или признак безопасности, то ее индикатором может быть отсутствие у личности внутренних конфликтов (что маловероятно в силу парадоксальности человеческой природы) или их минимальное количество, или их низкая напряженность. Другим индикатором целостности может быть внутреннее единство человеческой личности, т. е. наличие устойчивых связей между разными ее проявлениями и между разными её субличностями, если говорить на языке психосинтеза [2]; или разными ее частями, если говорить на языке гештальт-подхода [13;16]; или признание и интеграция теневых сторон личности и полярностей, если описывать внутреннее единство с точки зрения юнгианского подхода [21].

Одна из наиболее очевидных пар полярностей в человеческой психике — это сознание и бессознательное, а наиболее явная часть бессознательного — это то, что юнгианцы называют Тенью, которая содержит в себе отвергаемые и отчуждаемые части нашего «Я», в том числе уязвимые и беспомощные. К. Г. Юнг пишет о взаимосвязи противоположностей следующее: «Если мы сможем увидеть свою тень (темную сторону своей натуры), то сможем защититься от любой моральной и ментальной инфекции и любых измышлений противника» [20, с. 94].

Соответственно индикатором нарушения целостности могут быть состояние фрагментированности «Я», разрушение взаимосвязей между его отдельными частями, их изоляция друг от друга, а также состояние хронического мышечного напряжения, возникающее в результате подавления любых чувств, разобщение «между верхней и нижней половинами тела», указывающее на то, что «чувства одной части не интегрированы с чувствами другой», нарушения дыхания [9, с. 85]. Это мышечное напряжение, которое В. Райх называет броней, отсекает чувства во внутреннем центре человека от ощущений на периферии. Эта броня «разделяет единство организма и действительное единство его взаимоотношений с миром. Теперь у него имеются внутренние чувства и внешнее реагирование, внутренний мир и внешний мир, с которым он идентифицируется, но из-за расщепления эти миры разъединены» [9, с. 341].

«Недостаток единства означает, что голова, сердце и гениталии дезинтегрированы» [9, с. 85]. Одна форма дезинтеграции выражается в том, что человек буквально теряет связь со своим телом (в виде потери способности осознавать свои телесные ощущения и даже в виде переживания окаменелости или одеревяненности тела) и перестает осознавать свои чувства и свои потребности. Другая форма выражения дезинтеграции — это разрыв между словами, которые ассоциируются у нас с сознанием (с эго) и поступками, для совершения которых необходимо телесное движение. По мнению А. Лоуэна, «Эго — это не человек, и оно не функционирует отдельно от тела. Диссоциированное эго и диссоциированная интеллектуальность представляют собой потерю целостности в личности» [9, с. 364].

Диссоциация «является нормальной частью защит психики от потенциального ущерба травматического воздействия» и возникает она в том случае, когда человек в силу каких-то обстоятельств не может уйти из травмирующей ситуации. Чтобы выжить «какая-то часть «Я» должна быть удалена, но для того, чтобы это случилось, обычно интегрированное эго должно быть разделено на фрагменты или *диссоциировано*» [7, с. 30]. Чаще всего такими потенциально травматическими по своему воз-

действию являются ситуации угрозы жизни или чувству собственного достоинства личности (террористические акты или угрозы их совершения, ситуации нападения или грабежа, насилия в той или иной форме, шантажа или вымогательства). При этом они травматичны и для тех, против кого направлены, и для свидетелей происходящего, и для тех, кто занимается ликвидацией последствий таких событий. С точки зрения гештальт-терапии данные ситуации рассматриваются как незавершенные, когда происходит прерывание целостного цикла реализации той или иной потребности человека, и потребности в достижении безопасности в первую очередь.

У тех индивидов, кто уже имеет опыт переживания травмы — в детстве или в более позднем возрасте, в таких ситуациях актуализируются чувства и поведенческие реакции, связанные с этим предыдущим опытом и приводящие к нарушению состояний целостности и защищенности, повышенной уязвимости к воздействию травмирующей ситуации и возникновению травматических симптомов. «В здоровом состоянии между элементами переживаемого опыта существуют гибкие взаимосвязи. В условиях травмы взаимосвязи между различными частями опыта меняются, появляются сверхсцепленные или слабо сцепленные симптомы», а их комбинация надолго сохраняет травматические паттерны [11, с. 45]. К основным травматическим симптомам, по мнению П. Левина, относятся: гипертоническое возбуждение, беспомощность в форме чувства подавленности и разбитости, диссоциация тела и сознания [там же]. Последний из перечисленных симптомов, как уже отмечалось выше, является наиболее ярким и наиболее сильным выражением нарушения целостности личности.

Диссоциация позволяет человеку, пережившему невыносимую боль, в том числе боль, связанную с крушением собственной защищенности, участвовать во внешней жизни, однако ценой дезинтеграции психики и тела. По словам Д. Калшеда, «это означает, что появляется препятствие интеграции обычно единых элементов сознания (например, когнитивных процессов, аффектов, ощущений, воображения). Переживание, само по себе, становится прерывистым. Процесс воображения может быть отделенным от аффекта, либо и аффект и образ могут быть диссоциированы от осознанного знания» [7, с. 30]. Браун описывает четыре аспекта переживания, между которыми может иметь место диссоциация, а именно: поведение, аффект, ощущение и знание [цит. по: 7, с. 69]. В результате этих процессов переживание лишается смысла и не может быть интегрировано как часть личностной идентичности, не может быть встроено в личную историю, образуя «пробелы» как в воспоминаниях, так и в опыте личности в целом. Такое состояние психики и духа приводит человека к ощущению потери себя или потери какой-то важной части «Я», что и является выражением нарушения целостности личности и ее защищенности. «Когда отдельные «Я» существуют изолированно друг от друга, это неизбежно приводит человека к раздробленности» [16, с. 60].

Способом восстановления целостности личности является налаживание тех связей между отдельными частями «Я», которые оказались нарушенными в момент переживания угрозы, например, связей между чувствами и мыслями, когда человек начинает жить и действовать, полагаясь исключительно на разум и совершенно игнорируя свои чувства. При этом речь идет не просто об установлении устойчивых связей между различными сторонами «Я» (частями, субличностями и т. д.), а об их признании, принятии, взаимосогласовании и приведении в соответствие друг другу. Достичь такого взаимосогласования возможно, только проявляя активность: как во

внутреннем плане (организуя диалог между изолированными друг от друга частями «Я», «ощущая и заново проживая отторгнутые аспекты своей личности»), так и во внешнем (устанавливая связи между собой и другими).

В. А. Петровский, отмечая влияние активности на поведение личности в ситуации угрозы, выделяет неадаптивную, или надситуативную активность, направленную навстречу опасности, и соответственно следующие категории реакций на эту потенциальную угрозу: реакции избегания (врожденные и приобретенные) и стремление навстречу опасности (врожденное, обусловленное опытом преодоления опасности, проявляемое в ситуациях запрета) [15].

На наш взгляд, в условиях угрозы жизни или чувству собственного достоинства личности у человека может (естественным образом) возникать не только привычная для него в опасной ситуации реакция поведения (избегание или стремление навстречу опасности), но и *внутренний конфликт между этими двумя реакциями*. В свою очередь, этот конфликт может суммироваться с уже имеющимися у человека другими внутренними конфликтами, разрушая его целостность и снижая чувство защищенности. Спонтанный или целенаправленный выбор той или иной реакции зависит не только от силы этого конфликта, но и от поведения тех людей, которые находятся в этой ситуации рядом (речь идет как о субъектах угрозы, так и об объектах угрозы). Поскольку ключевым признаком безопасности большинство исследователей называет состояние физической, психической и духовной целостности личности, *то способность выдерживать такого рода амбивалентность и управлять этим возникающим внутренним конфликтом*, по нашему мнению, могут рассматриваться в качестве дополнительных критериев личной безопасности. Соответствующий внутренний конфликт может выражаться в общем чувстве неудовлетворенности, или фрустрированности, а также в неконгруэнтности индивида.

К. Роджерс определяет конгруэнтность как соответствие «опыта, осознания и общения». По его мнению, «сам индивид не может правильно судить о собственной конгруэнтности». Однако «мы можем научиться успешно измерять ее, принимая во внимание точку зрения других людей» [18, с. 402]. Если несколько расширить данное понятие, то конгруэнтность — это соответствие между тем, что человек говорит, и тем, что он делает; между тем, что чувствует, что осознает и что выражает. Быть конгруэнтным всегда, а особенно в условиях «масочного», или «фасадного», общения оказывается довольно непросто. «Один и тот же человек может обладать разной степенью конгруэнтности в разное время в зависимости от того, что он испытывает, и от того, в состоянии ли он осознать свой опыт или он должен защитить себя от этого опыта» [18, с. 404].

И теоретически, и практически, любая ситуация угрозы жизни, в том числе и террористической угрозы, потенциально актуализирует имеющиеся у человека внутренние конфликты, усиливая его неконгруэнтность человека в процессе его взаимодействия с остальными участниками событий. Это связано с тем, что большинство людей в ситуации, когда одновременно возникает угроза их жизни и их чувству собственного достоинства, будут испытывать целый ряд внутренних противоречий, в первую очередь, между желанием сохранить свою жизнь и желанием сохранить самоуважение.

В данных обстоятельствах актуальным становится вопрос восстановления нарушенной целостности, что оказывается труднодостижимым непосредственно в момент угрозы, но вполне возможным после того, как угроза отражена или преодолена.

Защищенность — это второй критерий безопасности, который используется так же часто для ее описания, как и целостность. Он тоже является номинализацией и также практически не определен исследователями безопасности. В словаре русского языка слова «защищенность» нет, а вот слово «защищать» присутствует. Значений для этого слова приводится несколько: а) охранять, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; б) предохранить, обезопасить от чего-либо; в) отстаивать мнение, взгляды перед чьей-нибудь критикой или возражениями [12, с. 196]. Если произвести деноминализацию, то защищенность означает способность и умение охранять себя от опасности или быть охраняемым кем-то; отстаивать себя (свое мнение или позицию), возражать или быть отстаиваемым кем-то. В случае детей, стариков и т. п. речь идет о способности и умении в ситуации угрозы, с одной стороны, просить других об охране или защите (или соглашаться на эту охрану), а с другой стороны, о способности и умении других (родителей, взрослых, лиц, облеченных властью или соответствующими полномочиями, военных, полицейских и т. д.) эту охрану и защиту обеспечивать.

Из вышесказанного следует ряд вопросов. Что именно человеку необходимо охранять, чтобы он чувствовал себя в безопасности? От кого или отчего? Каким образом? Как или по каким признакам можно определить, что защита оказалась успешной?

Упомянутые выше исследователи проблемы социально-психологической безопасности говорят о защите целостности (личности, группы, государства), порядка (социального, правового и т. д.), интересов, стабильности, благоприятных условий от тех социальных угроз, которые препятствуют жизнедеятельности и дальнейшему развитию или нарушают их. Угрозы террористических актов, несомненно, нарушают и целостность, и стабильность, и дальнейшее развитие тех, против кого они направлены.

По мнению Т. М. Краснянской, «понятие угрозы семантически связывается с понятием границы. Наличие границы указывает на присутствие некоторой целостности, которую необходимо защищать при возникновении угрозы, — тела, государства, организации, строения и т. д.» [8, с. 130]. В данном случае речь идет о необходимости защищать целостность жизнедеятельности личности от «опасных факторов и условий, воздействие которых вопреки её воле и желанию приводит к дестабилизации или разрушению искомым характеристик», негативно отражаясь на ее жизнеспособности [там же, с. 130].

В обычной ситуации «человек прервет контакт, если столкнется с грубыми оскорблениями или злонамеренными поступками, которые находятся за пределами границ допустимого» [17, с. 92]. А в ситуации теракта тот, на которого направлена угроза, не может этого сделать, поскольку его свобода — физическая и психологическая ограничивается террористами в прямом и в переносном смысле: этот человек оказывается в зависимой позиции, во власти тех, в чьих руках оружие (или прямая угроза его применения) и сила. Взаимодействие двух сторон в условиях террористического акта носит несимметричный характер, одна сторона — террористы — имеет максимум возможностей для свободного самовыражения и реализации своих потребностей, используя психологическое давление, шантаж и угрожая жизни и достоинству другой стороны, а та, в свою очередь, этих возможностей лишается.

Психологические границы как личностный феномен, обеспечивающий и целостность, и защищенность личности в психологической литературе по проблемам без-

опасности рассматриваются очень редко. Упоминание о нём чаще можно встретить в публикациях, посвященных психотерапевтической работе с индивидами с симптомами посттравматического стресса, с жертвами физического, психологического и сексуального насилия [11]. «Границы определенно представляют собой энергетические поля. Вы очень хорошо можете ощутить эти границы, когда собеседник приближается к вам слишком близко и явно вторгается в ваше личное пространство» [5, с. 148].

Ф. Перлз считает, что любое взаимодействие человека и окружающей среды происходит на границе контакта (контактной, или психологической границе) и определяет ее как «особый орган осознания новых ситуаций в поле» взаимодействия [14, с. 53]. По его мнению, «функционирование эго ... может быть описано как установление границ принадлежности самости интересов, сил и так далее. Отождествление и отчуждение — это две стороны границы; и в любом живом контакте граница определена, но всегда перемещается» [14, с. 370]. В ситуации чрезмерной опасности (угрозы) и фрустрации граница становится «непереносимо напряженной» и у человека развиваются субактивные реакции, которые «защищают границу от чрезмерной внешней нагрузки, закрываясь от опасности» [14, с. 57].

В ситуации реализованного террористического акта нарушение границ личности, подвергающейся нападению, происходит явным и неожиданным образом и сразу на нескольких уровнях — и на физическом, и на психологическом. В ситуации ожидаемого теракта нарушение границ личности, на которую направлена угроза, происходит преимущественно на психологическом уровне самим фактом существования возможности и неожиданности совершения теракта помимо воли и желания человека. По мнению И. Польстера и М. Польстер, «граница человеческого «Я» — это граница того, что человек допускает при контакте с другими. Она состоит из целого спектра границ контакта и определяет действия, идеи, людей, ценности, установки, образы, воспоминания» [17, с. 92]. Эти психологи называют границы «демаркационной линией», отделяющей человека от незнакомого мира, и от другого человека. Границы «Я» определяются жизненным опытом человека.

Психологические границы тесно связаны с возможностями и способностями личности принимать и интегрировать «новые или усиленные переживания» и находятся в постоянном изменении. В ситуации террористического акта новизны в переживаниях тех, против кого он направлен, слишком много, а угроза разрыва границы «Я» слишком велика. «Способность сохранять ощущение собственных границ позволяет человеку допускать или блокировать поведение на границах контакта» [17, с. 92]. Различными способами защиты границ в терминах гештальт-подхода являются *эготизм, ретрофлексия, дифлексия, проекция, интроекция и конфлюэнция, или слияние* [14].

В литературе по гештальт-терапии эти виды защит, называемые сопротивлением, или срывами цикла контакта, в целом описаны достаточно подробно. И. Польстер и М. Польстер описывают восприятие границ «Я» по следующим основным позициям: телесные границы, границы ценностей, доверия, проявлений и открытости. Телесные границы устанавливаются и поддерживаются благодаря возможности и способности человека чувствовать свое тело, его отдельные части и функции. Они обеспечивают физическую целостность личности. Границы ценностей и границы проявлений тесно связаны с собственной идентичностью. Эти виды границ обеспе-

чивают психологическую целостность личности. Кроме того, разные виды границ связаны друг с другом, так границы открытости сильно зависят от границ доверия и чувства безопасности в момент взаимодействия с другим человеком.

Одной из наиболее распространенных защит в ситуации угрозы жизни является защита в виде *конфлюэнции, или слияния*, что выражается в размывании границы между собой и другими, в заражении эмоциями и состоянием другого человека вплоть до потери чувства собственного «Я». В ситуации террористического акта или его угрозы, как уже отмечалось выше, его «мишени», а иногда и свидетели, находятся в зависимости от террористов. По мнению Ф. Перлза, «мы находимся в конфлюэнции со всем, от чего мы фундаментально и непоправимо зависим, когда мы не имеем необходимости или возможности что-то изменить» [14, с. 352]. При помощи слияния человек пытается сгладить различия между собой и другими, «стараясь умерить неприятные переживания».

В подобных обстоятельствах те, кому угрожают, могут переживать слияние либо со своими чувствами и телесными ощущениями, теряя способность их понимать, дифференцировать и выражать, либо с другими людьми — собратьями по несчастью, заражаясь их страхом, беспомощностью, виной (или, наоборот, их протестом, решительностью), либо с террористами, неосознанно идентифицируясь с их агрессивностью, жестокостью и бескомпромиссностью. В зависимости от того, с кем или с чем человек находится в слиянии, он будет проявлять себя или как жертва, или как агрессор, или как спасатель. Нарушение психологической границы в виде конфлюэнции является по своим последствиям наиболее тяжелым для личности, одним из свидетельств этого можно считать описанный в психологической литературе «стокгольмский синдром», наблюдаемый у заложников террористов.

Следовательно, контактная граница, или граница «Я» является средством обеспечения защищенности (психологической безопасности) личности. Качество или характеристики психологической границы, а именно: жесткость или гибкость, размытость или четкость, проницаемость или непроницаемость, вдавленность внутрь или выгнутость наружу указывают на степень незащищенности, т. е. выступает индикатором состояния нарушения безопасности.

Таким образом, нарушение целостности личности, проявляющееся в диссоциации (разделении) ощущений, аффекта, поведения и знания, разделении тела и духа, слов и поступков, фрагментации личности и потери связей между ее отдельными сторонами, неконгруэнтности, усилении внутренних конфликтов, а также нарушение защищенности, которое выражается в различных искажениях психологических границ личности, свидетельствуют о потере чувства психологической безопасности. Кроме этих базовых признаков нарушения безопасности у человека, имеется еще ряд других специфических симптомов, описание которых не входит в задачи этой статьи. Перечисленные выше индикаторы нарушения целостности и защищенности личности могут быть использованы в качестве ориентиров при оценке уровня ее психологической безопасности, планировании и осуществлении психокоррекционной и реабилитационной работы по её восстановлению и профилактической работы по ее обеспечению.

Литература

1. Адлер Г. Лекции по аналитической психологии. М.: Рефл-бук, К. Ваклер, 1996.
2. Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика. М.: «REFL-book», 1994.
3. Булюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 2004.
4. Вольнов Р. В. Акмеологическое обеспечение информационно-психологической безопасности личности. М.: МосУМВД России. Издательство «Щит-М», 2010.
5. Зинкер Дж. В поисках хорошей формы: Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
6. Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества: Монография / Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова. М.: Издательство Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010.
7. Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа. М.: Академический проект, 2001.
8. Краснянская Т. М. Психология экстремальности: личность, субъект, безопасность: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2011.
9. Лоуэн А. Биоэнергетика. СПб.: «Ювента», 1998.
10. Люис Б. А., Пуселик Р. Ф. Магия нейролингвистического программирования без тайн: СПб.: Издательство «Петербург — XXI век», 1995.
11. Мазур Е. С. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал, М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2003, № 1 (36). С. 31–53.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой, 18-е изд. М.: Рус. яз. 1986.
13. Перлз Ф. Гештальт-семинары: Гештальт-терапия дословно. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
14. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
15. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО Горбунок, 1992.
16. Польштер И. Обитаемый человек: Терапевтическое исследование личности. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
17. Польштер И., Польштер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М.: Независимая фирма «Класс», 1997.
18. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
19. Советский энциклопедический словарь (СЭС) / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1984.
20. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996 (1).
21. Юнг К. Г. Человек и его символы / Под ред. К. Г. Юнга. СПб.: Б. С. К., 1996 (2).